

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-56-62

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ УСТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СПОСОБ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ДОКУМЕНТА В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

© Наталья Отургашева

SPEECH STRATEGIES OF ORAL UTTERANCES AS A WAY OF FICTIONALIZING A DOCUMENT IN THE BIOGRAPHICAL PROSE OF ZAKHAR PRILEPIN

Natalya Oturgasheva

The article analyzes speech strategies of oral utterances used in Zakhar Prilepin's biographical novel "Yesenin: Promising a Meeting Ahead" as a tool for fictionalizing documentary sources, which occurs not only at the junction of journalistic and fictional discourse, but also on the boundary of interpenetration of oral and written utterances.

The article notes various ways of including a document in the fictional space: direct citation, history or retelling, evaluative interpretation and hidden polemics. We analyze the rhetorical strategies, used by the author for the artistic organization of individual macro-themes of the work, as well as the forms of dialogization characteristic of oral discourse. We identify lexical and syntactic means of colloquial speech, which, when introduced into the book text, make the manner of presentation more expressive, while the images of the author and narrator are brought closer together, reducing the distance between the author and the reader.

In addition, the use of rhetorical patterns for constructing an argumentative statement allows Z. Prilepin to include documentary evidence of the era in the narrative, which maintains dynamism through the construction of a polemical context.

The writer's experience of oral presentations in the media environment helps him to organize the text based on the features of lively, natural speech with an open expression of the author's position, it is aimed at a mass audience and an interested reader – his interlocutor.

Keywords: literary biography, Zakhar Prilepin, "Yesenin: Promising a Meeting Ahead", speech strategies, oral discourse, documentary sources

В статье представлен анализ речевых стратегий устного высказывания, используемых в биографическом романе Захара Прилепина «Есенин: Обещая встречу впереди» в качестве инструмента художественного освоения документальных источников, которое происходит не только на стыке публицистического и художественного дискурсов, но и на границе взаимопроникновения устного и письменного высказывания.

Автор статьи отмечает разнообразные способы включения документа в художественное пространство: прямое цитирование; история или пересказ; оценочная интерпретация; скрытая полемика. Проанализированы риторические стратегии, используемые автором для художественной организации отдельных макротем произведения, а также формы диалогизации, характерные для устного дискурса. Отмечены лексические и синтаксические средства разговорной речи, которые, будучи введенными в книжный текст, делают манеру изложения более экспрессивной, при этом образы автора и повествователя сближаются, а дистанция между автором и читателем сокращается.

Кроме того, использование риторических законов построения аргументирующего высказывания позволяет З. Прилепину включать документальные свидетельства эпохи в повествование, которое сохраняет динамичность за счет конструирования полемического контекста. Опыт устных выступлений в медиасреде помогает писателю организовать текст с опорой на особенности живой, естественной речи, предполагающей открытое выражение авторской позиции и ориентированной на массовую аудиторию и заинтересованного читателя – собеседника.

Ключевые слова: литературная биография, Захар Прилепин, «Есенин: Обещая встречу впереди», речевые стратегии, устный дискурс, документальные источники

Для цитирования: Отургашева Н. Речевые стратегии устного высказывания как способ художественного освоения документа в биографической прозе Захара Прилепина // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 56–62. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-56-62

Захар Прилепин известен широкой публике не только романами, повестями, жизнеописаниями, но и своей активной жизненной позицией, о чем свидетельствуют его участие в чеченской войне и в военных действиях на Донбассе, создание общественного движения «За правду», программа «Уроки русского» на телевидении, многочисленные интервью писателя. Он – целеустремленный и волевой создатель «собственной судьбы как главного и самого востребованного произведения» [1, с. 4638].

Такая слитность творческой и личной биографии, манифестация индивидуальной судьбы как отражения конфликтов и противоречий конкретной эпохи позволили писателю внести свой вклад в создание «нового реализма» как «автобиографического метода, возвращающего ценность событиям, совершающимся в данное историческое время» [Там же, с. 4641].

Обсуждая, зачастую полемически, феномен «нового реализма», исследователи, в числе прочих черт, отмечают стремление представляющих его писателей (З. Прилепина, С. Шаргунова, Р. Сенчина) влиять не только на стиль искусства, но и на саму жизнь, которая воспринимается ими как «опасная и активная пустота, нуждающаяся в жизнестроительной воле субъекта» [2, с. 24]. С этим, по мысли М. В. Безрукавой, связана «готовность к постоянному смещению автобиографического и вымышленного, поэтики романа с поэтикой более лаконичных жанров, художественного и публицистического дискурсов» [Там же, с. 23].

Литературное творчество становится для них частью творчества более масштабного, жизнестроительного: «Ощущая современность как негативную деконструкцию великой эпохи сложного, но состоявшегося созидания, „новые реалисты“ хотят не только персонального успеха, но успеха, связанного с победами страны в большом времени, в историческом масштабе» [Там же, с. 22]

Сравнивая такие уникальные фигуры современного литературного процесса, как А. Проханов и З. Прилепин, исследователи делают вывод о явлении «сверхлитературы», которое они понимают как сложное единство, с одной стороны, создаваемых мастерами художественных и публицистических текстов, а с другой – их собственных биографий [1, с. 4641].

Следствием подобного подхода к литературному творчеству представляется и своеобразие стилистики писателя, проявляющей себя в программируемой самим автором двойственности текстов, когда «роман входит в контекст идеологической реальности, а статья, эссе, газетная колонка или сетевой пост обретают эстетический потенциал» [Там же].

В результате подобной двойственности происходит сближение жанров устного и письменного высказывания в пространстве биографических произведений З. Прилепина. По справедливому замечанию В. И. Конькова, на стилистику писателя заметное влияние оказывает его богатый опыт устной коммуникации в медиасреде, который предполагает открытое, тенденциозное выражение авторской позиции и задает интонацию устного рассказа в рамках книжного текста [3, с. 150].

Тенденция к субъективности и публицистичности авторской позиции заметна во многих современных литературных биографиях и проявляется в сближении биографического и романного повествования в качестве характеристики «нового биографизма»: «сюжетами этих книг являются сюжеты жизни героев... Но жизнь эта живая, творящаяся ежеминутно, а не замурованная в архиве всем знакомых фактов» [4, с. 198].

Более того, субъективность «подключения документального пласта» в литературной биографии оказывается в современных условиях едва ли не объективной закономерностью, поскольку «жизнь гения уже по своей бытийной природе провоцирует, по крайней мере, на двойную субъективность: субъективность нового времени и субъективность нового летописца, который не может не стать интерпретатором» [5, с. 155]. Биографические произведения З. Прилепина – явное тому подтверждение.

Цель данной статьи – анализ речевых стратегий устного высказывания, используемых в романе Захара Прилепина «Есенин: Обещая встречу впереди» [6] в качестве инструмента художественного освоения документальных источников.

Литературную биографию Есенина следует отнести к литературоведческому роману (типология А. В. Починенова и Т. В. Снегиревой), главной задачей которого выступает исследование „биографии души“, что предполагает использование автором не только литературовед-

ческих приемов, но и традиционных для романа сюжетно-композиционных ходов» [5, с. 153].

Вместе с тем эта книга – манифест и самого З. Прилепина, и «того идеологического фронта, который уместно называть „новым реализмом“» [7, с. 188], поэтому вполне правомерно рассматривать данное произведение ещё и с точки зрения цельности словесного творчества писателя и его политической деятельности [1, с. 4640].

Встречное движение публицистики и художественности, факта и вымысла, творчества словесного и идеологического обусловило активное использование в пространстве романа устных стратегий речевой коммуникации: объективное изложение (описание, повествование, предъявление фактов и документов) чередуется со стратегиями речевого воздействия (интерпретация фактов, мнение, возражение, оценочное суждение).

Введение в письменный текст лексических и синтаксических (эллипсис, парцелляция) средств разговорной речи делают манеру изложения более экспрессивной, при этом образы автора и повествователя сближаются, а дистанция между автором и читателем сокращается.

Весьма типичен следующий фрагмент из биографии поэта, сочетающий стратегию информирования читателей о фактах публикации поэмы «Инония» (*Отрывки из поэмы в мае 1918-го были опубликованы в газете «Знамя труда»; затем, целиком, она была напечатана в журнале «Наши пути»*) с обсуждением и интерпретацией фактов, насыщенными оценочными высказываниями [6, с. 186].

Писатель избирает при этом дедуктивную стратегию: дает общее суждение (*Поэму много ругали*), переходит к конкретному утверждению (*...но дальше всех пошёл Иван Алексеевич Бунин*), а затем приводит, в качестве подтверждения, цитату, вводя в неё оценочную характеристику, которую развернёт уже после завершения цитирования:

«Я обещаю Вам Инонию!» – п е р е д р а з н и в а л он Есенина и резюмировал: «... ничего ты, братец, обещать не можешь, ибо у тебя за душой гроша ломаного нет, а поди-ка ты лучше prospись и не дыши на меня своей мессианской самогонкой! А главное, всё-то ты врешь, холоп, в угоду своему новому барину!» [6, с. 186] (здесь и далее разрядка наша – Н. О.)

В следующих за приведенной цитатой комментариях З. Прилепин еще более конкретизирует обсуждение, выбирая в качестве ключевого слово *холоп*, он иронически, как бы продолжая логику высказывания Тургенева, интерпретирует содержание данного концепта: *Прежде холопы*

своё место знали и мессианскую самогонку не жрали, тянули себе ляпочку, а теперь от рук отбились. Писатель завершает комментарий выводом в ценностных координатах приведенной цитаты (*Предполагать в холопах человеческое разумение бессмысленно; всё, что они могут, – подчиниться барину: не одному, так другому*), а затем – уже авторским риторическим вопросом: *А потом еще спрашивают: чего Есенин и его крестьянские сотоварищи по ремеслу так взбеленились?* [Там же].

Экспрессивная насыщенность текста отражает его явную публицистичность и создается с помощью использования оценочной, в том числе разговорной, лексики (*передразнивал, бессмысленно, жрали, взбеленились*) и синтаксических конструкций, характерных для публицистического стиля и устной речи (*тянули себе ляпку, от рук отбились, а потом ещё спрашивают, чего... взбеленились*).

С точки зрения риторического дискурса, аргументация выстроена весьма убедительно: от общего суждения ко всё более частным утверждениям, подкрепленным ссылкой на источник, а затем – внутренний, апеллирующий к цитате, и внешний, обращенный к ситуации в целом, выводы. Полагаем, использование подобных стратегий, характерных для устной речи, и создает у читателя ощущение живой судьбы героя, которой способен сопереживать современный читатель.

Повествовательная манера З. Прилепина ориентирована на массового читателя, писателю важно включить любимого поэта в актуальный культурный контекст, сделать понятными для огромной аудитории его стихи, поступки, размышления. Отсюда – сопряжение публицистики и художественности, использование приёма рассказывания историй, увиденных как бы «глазами очевидца» с присущей такому рассказу динамичности (обилие глаголов настоящего времени) и выразительными средствами атрибуции и экспрессивной синонимии:

Сентябрьское утро; один из главных поэтов огромной страны, жмурясь на солнышке, помятый и улыбающийся, выходит из отделения в сопровождении любящей его брюнетки. С крылечка им делают ручкой милиционеры. Пара идет по улице, Галя чуть поддерживает Сергея, они проходят мимо лотка, где продают две главные государственные газеты: в одной этот поэт клянёт капиталистический запад, во второй – большевистский вождь, со всеми неизбежными оговорками, славословит поэта [Там же, с. 573].

Высокий слог (*один из главных поэтов огромной страны*) уравнивается по-житейски

понятной конкретизацией (атрибуцией): *жмурясь на солнышке, помятый и улыбающийся*.

3. Прилепин – мастер рассказа с опорой на глагольные конструкции в сочетании с бессоюзием (асиндетон) для передачи динамики действия: *Гуляли по Москве; Клюев наставлял, Есенин посмеивался; но, когда что-то важное звучало, вдруг затихал, слушал очень серьёзно, запоминал* [Там же, с. 5]. «Слух на живую речь» – качество, которое отмечает З. Прилепин у Есенина, – в высшей степени характерно для него самого. Его словесные конструкции – лаконичные и гибкие, легко укладываются в диалог, подражают естественной живой речи с её неполными предложениями, парцелляцией, пропуском понятных из контекста слов: *Князев – сам? или помогли? – раздел Есенина, взяв его вещи: для будущего музезя* [Там же, с. 845].

Причем в эту живую речь вполне органично вписываются документальные свидетельства эпохи на правах своеобразных очевидцев. При этом писатель использует разнообразные речевые стратегии включения документа в текст: рассказ (*Ленин склонился над барьером ложи и громко, во весь голос, воскликнул – Bravo, мисс Дункан!*); цитирование (*«Известия ВЦИК» отчитывались: «Это было полное красоты пластическое и мимическое толкование музыкальных шедевров, причём толкование революционное»*); интерпретация приведенной цитаты автором-повествователем, скрытая полемика с гипотетическим собеседником (*Значит, «мисс Дункан «браво» – а как же «поэт Есенин»? Почему ему не «браво»?); вывод-утверждение (Сергей плюс Айседора – дальше только так.)* [Там же, с. 376].

Формы диалогизации, используемые писателем, также весьма разнообразны: это не только прямые, пунктуационно оформленные в тексте диалоги, но и введённые в художественное пространство рассказы, письма, документы, вопросно-ответные конструкции, риторические вопросы, скрытая полемика с гипотетическим собеседником:

Что же все-таки сказал Троцкий Есенину? Не он ли и поименовал Есенина в разговоре «государственной собственностью»? Словосочетание явно не из есенинского словаря. Должен ведь был Троцкий сказать что-то такое, подействовавшее столь серьёзно. О России и русском народе зашла беседа? Наверняка же не обошли эту тему [Там же, с. 551].

Думается, такое разнообразие речевых стратегий внутри каждой микротемы и создаёт близость создаваемого писателем повествования к характеру живой речи и разговорной интонации заинтересованной беседы, тем более что З. При-

лепин имеет богатый опыт устных выступлений в медиасреде.

Документ в биографической литературе играет едва ли не ключевую роль: он подтверждает подлинность событий, позволяет увидеть их в разных ракурсах, характеризует участников происшедшего с помощью зафиксированного текста (письма, публикации в газете, приказа, распоряжения и т. д.). Ссылка на документальные источники придает любому жизнеописанию необходимую основательность. Однако существует проблема художественного «освоения» документа, поскольку сам по себе он, по предположению О. О. Несмеловой, не содержит эстетического потенциала. Только тогда, когда «данный документальный материал обрабатывается для читателей по законам художественного текста», возникает эстетический эффект, основанный на синтезе документального и художественного начал [8, с. 29].

В контексте данного размышления обратимся к анализу способов введения документального материала в литературной биографии Есенина.

Представляется, что автор весьма продуктивно использует риторические стратегии для конструирования отдельных фрагментов (глав) произведения, пользуясь сложившимися правилами создания публичной речи.

Так, глава, посвященная отношению С. Есенина к Л. Д. Троцкому (по сути, их несколько, см. [6, с. 534–539, 547–552]), изобилующая ссылками на документы, начинается с интригующего вступления, цель которого – сконцентрировать внимание читателей на проблеме взаимоотношений художника и власти, которая (проблема) в контексте книги оформится в отдельную макротему. Кроме того, интрига нужна для создания динамики повествования, важной частью которого будет документальный материал, сам по себе мало приспособленный для развития сюжета. Поэтому потенциальный конфликт формируется писателем на этапе искусственного вступления, реализованного цепочкой вопросов: *Когда и в связи с чем у Есенина могло сформироваться негативное отношение к Троцкому..? Тогда, когда Троцкий занимался созданием Красной Армии?* [Там же, с. 534].

Риторике известен прием диализиса – последовательного перебора возможных альтернатив, используемого, чаще всего, для доказательства невозможности чего-либо. Именно так организовано начало (именование) данной темы:

Мог ли Есенин возлагать на Троцкого вину за то насилие, что все эти дикие и хилые годы творили в деревне Большевики? Мог – но едва ли большую, чем

на Ленина... Мог ли винить Троцкого в массовом терроре? Но Троцкий не имел никакого отношения к ЧК [Там же].

Синтаксический параллелизм маркирует вступительную часть главы, отделяя ее от последующих композиционных элементов и придавая особую выразительность и сознательно конструируемую автором полемику.

Интрига создана, читатель ждет ответа на поставленные вопросы – и получает их, сначала общий (*ответ следует искать... в культурной политике молодого Советского государства*), а затем все более подробные и аргументируемые цитатами из авторитетных источников. В качестве документальной основы рассуждения Прилепин представляет письмо Троцкого «О молодых писателях, художниках и пр.» и его же статью «Внеоктябрьская литература», письмо Сталина «Всем членам Политбюро», постановление Комиссии по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество с подробным перечнем тех, кого рекомендовано в данное общество привлечь,

При этом динамичность повествования поддерживается рассказом о событиях, объясняющих обстоятельства появления данных документов, с указанием дат, перечень которых свидетельствует о стремительном развитии действия:

29 июня 1922 года Комфракция Всероссийского союза просвещения обращается в ЦК партии с требованием отставки Луначарского с поста наркома просвещения и замены его на... Троцкого; 30 июня Троцкий передает в Политбюро письмо...; 3 июля Сталин пишет письмо...; 6 июля на заседании Политбюро принимаются предложения Троцкого... и т. д. [Там же, с. 535]

Повествование ведется в настоящем времени с использованием соответствующей временной формы глаголов и включает, с необходимостью и полным основанием на то, документальные свидетельства происходящего.

Формы художественного освоения документа весьма разнообразны, среди них – авторские комментарии и выводы, зачастую нейтрально-констатирующие (*Имажинисты, как видим, занимают одну из центральных позиций в литературном ландшафте тех лет*), а подчас – весьма провокационные, полемические, сделанные из сегодняшнего дня: *Нынешние представления о принявших и не принявших большевиков на самом деле куда более шаткие, чем может показаться, более того – при иных раскладах они могли быть взаимозаменяемы* (речь идет о получивших от Советской власти в 1922 г. «академи-

ческое обеспечение» писателях, среди которых и те, которые вскоре покинут Россию, Шмелев и Зайцев) [Там же, с. 537].

Развивая тему взаимоотношений Есенина и Троцкого по законам риторического высказывания, писатель вводит все необходимые композиционные компоненты: после повествования является описание – характеристики участников встречи поэта с председателем Реввоенсовета, самого Троцкого (*был членом ЦК ВКП(б) и Политбюро, народным комиссаром по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета*) и Блюмкина (*успевший повоевать в Персии..., боровшийся в Сибири с «бандитизмом»..., был принят на работу в военный секретариат Троцкого..., оставался все таким же романтиком*) [Там же, с. 547]

После приведенных характеристик представлено доказательство изменившегося отношения поэта к Троцкому со ссылками на Рюрика Ивнева, Семёна Борисова, Василия Наседкина, Олега Леонидова, на творчество самого поэта (*Вскоре имя Троцкого появится в двух есенинских поэмах в панегирическом контексте*), на факт состоявшейся встречи поэта с председателем Реввоенсовета, на свидетельство Есенина: *Мне нравится гений этого человека...* [Там же, с. 543].

Завершается рассуждение, в соответствии с законами создания аргументирующей речи, выводом-утверждением, что на Есенина *магически подействовала несомненная харизма умного, умеющего нравиться Троцкого* [Там же, с. 550–551] и, в силу данного обстоятельства, председатель Реввоенсовета к образу Чекистова из «Страны негодяев» вряд ли имеет отношение. В качестве опровержения противоположной точки зрения (это не только важная часть полемики, но и обязательный компонент в структуре доказательства) Прилепин выдвигает допущение (*Троцкий... не имел никакого отношения к ЧК... Если бы Есенин всерьез желал намекнуть в своей поэме конкретно на Троцкого, то назвал бы этого персонажа Военсоветов или Эрвээсов*), приводит факты (*...в недрах ВЧК прототипов для такого персонажа, как Чекистов, было, увы, предостаточно. Петроградской ЧК... руководил С. А. Мессинг., Всеукраинскую ЧК... возглавлял Семён Шварц*), использует приём антирезиса (*Всякая попытка представить иную и тем более противоположную ситуацию находится в зоне рискованных предположений и откровенных домыслов*) [Там же, с. 551–552].

Завершается разговор тем же приёмом, какой был использован в начале рассуждения на данную тему: ссылкой на факт публикации очерка «Железный Миргород» на следующий день по-

сле встречи и возникшими в этой связи вопроса-ми: *Редактор «Известий», наконец, получил «добро» на публикацию?.. Любопытно, кто это сделал?* (речь о вычеркнутом при вёрстке фрагменте) [Там же, с. 552]. Использование кольцевой композиции помогает структурно оформить макротему в самостоятельном содержательно-стилистический компонент текста.

При этом документальный материал проходит процесс художественного освоения за счет вовлечения в полемический дискурс, наполненный утверждениями, оценками, сомнениями, возражениями писателя. Так, подробный разбор статьи Троцкого «Внеоктябрьская литература» сопровождается комментариями и оценочными суждениями Прилепина:

Троцкий выступает в качестве снисходительного отца, явственно охлаждающего многочисленных околобольшевистских критиков, ... неожиданно являет себя в качестве вдумчивого и весьма неглупого литературного критика... Прозорливость Троцкого сложно не оценить: бил в точку [Там же, с. 538–539].

В центре полемического дискурса всегда находится конфликтная ситуация, реальная или гипотетическая, столкновение позиций, идей, событий, порождающих перипетию по законам драматургии:

А в чём же тогда было дело? А в том, что за границей «Правду» никто не выписывал и содержание статьи дошло до Есенина в красочных, но не всегда адекватных пересказах, как и события, происходящие на родине вокруг литературы. Особенно, в этом смысле, судя по всему, постарался Кусиков... [Там же].

Или, по поводу публикации фельетона Иосифа Оршера в «Правде», Прилепин, подчеркнуто заостряя и обнажая существо конфликта, замечает: ... *Есенин, по мнению автора публикации, не только сам опростоволосился, но и наркома выставил в комическом свете. Во фразу «... мне нравится гений этого человека» Есенина ткнули лицом* [Там же, с. 561]. Писатель выстраивает действие по законам драматургии, сопоставляя, комментируя, порой намеренно сталкивая события, их участников, документальные свидетельства эпохи.

Как видно из приведенного анализа, ориентация на устную речь и, в частности, использование риторических законов построения аргументирующего высказывания позволяет З. Прилепину включать документальные свидетельства эпохи в повествование, которое сохраняет динамичность за счет конструирования полемического контекста. Эстетическое освоение документа

происходит не только на стыке публицистического и художественного дискурсов, но и на границе взаимопроникновения устного и письменного высказывания в рамках одного произведения.

При этом писатель использует различные способы включения документа в художественное пространство, выбор которых в каждом конкретном случае зависит от целевой установки автора: прямое цитирование; история или пересказ; оценочная интерпретация; скрытая или открытая полемика с явным или предполагаемым собеседником-оппонентом по поводу приведённой цитаты или факта.

Такой авторский подход сокращает дистанцию между писателем и читателем, вовлекает последнего в активное полемическое пространство, формирует актуальные мировоззренческие установки и, в конечном счете, оказывает влияние не только на стиль писателя, но и на общественное сознание современников.

Список источников

1. *Татаринов А. В.* Александр Проханов и Захар Прилепин: реализация «философии поступка» в прозе и публицистике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2024. Т. 17. № 12. С. 4634–4642.
2. *Безрукавая М. В.* Современная русская проза: проблема метода. Краснодар: Кубанский социально-экономический институт, 2015. 100 с.
3. *Коньков В. И.* Биографическая проза Захара Прилепина, 2024. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=78964940> (дата обращения: 18.04. 2025).
4. *Шаронова А. М.* Жанровая специфика русского исторического романа // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2019. № 12. Вып. 1. С.186–205 .
5. *Подчиненов А. В.* Литературная биография: документ и способы его включения в текст // *Филология и культура.* 2012. № 4(30). С. 152–155.
6. *Захар Прилепин.* Есенин: Обещая встречу впереди. М.: Молодая гвардия, 2024. 1027 с.
7. *Татаринов, А. В.* Юрий Павлов и Захар Прилепин: драма на правом фланге // *Родная Кубань. Литературно-исторический журнал. Литературоведение и критика.* 24.11.2020. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_6147.html (дата обращения: 24.04. 2025).
8. *Несмелова О. О.* Война, фашизм, тоталитаризм – средствами nonfiction // *Филология и культура.* 2012. № 4(30). С. 26–29.

References

1. Tatarinov, A. V. (2024). *Aleksandr Prokhanov i Zakhar Prilepin: realizatsiia "filosofii postupka" v proze i publitsistike* [Alexander Prokhanov and Zakhar Prilepin: The Implementation of the "Philosophy of Action" in

Prose and Journalism]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 17. No. 12, pp. 4634–4642. (In Russian)

2. Bezrukavaya, M. V. (2015). *Sovremennaya russkaya proza: problema metoda* [Contemporary Russian Prose: The Problem of Method]. 100 p. Krasnodar, Kubanskii sotsial'no-ekonomicheskii institute. (In Russian)

3. Kon'kov, V. I. (2024). *Biograficheskaya proza Zakhara Prilepina* [Biographical Prose by Zakhar Prilepin]. Pp. 147–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=78964940> (accessed 18.04.2025). (In Russian)

4. Sharonova, E. A., Sharonov, A. M. (2019). *Zhanrovaya spetsifika russkogo istoricheskogo romana* [Genre Specificity of the Russian Historical Novel]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12. Vyp. 1, pp.186–205. (In Russian)

5. Podchinenov, A. V. (2012). *Literaturnaya biografiya: dokument i sposoby ego vklucheniya v tekst*

[Literary Biography: A Document and Ways of Including It in the Text]. *Filologiya i kul'tura*. No. 4(30), pp. 152–155. (In Russian)

6. Zakhar Prilepin (2024). *Esenin: Obeshchaya vstrechu vpered* [Yesenin: Promising a Meeting Ahead]. 1027 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)

7. Tatarinov, A. V. (2020). *Yurii Pavlov i Zakhar Prilepin: drama na pravom flange* [Yuri Pavlov and Zakhar Prilepin: Drama on the Right Flank]. *Rodnaya Kuban'. Literaturno-istoricheskii zhurnal. Literaturovedenie i kritika*. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_6147.html (accessed 24.04. 2025). (In Russian)

8. Nesmelova, O. O. (2012). *Voyna, fashizm, totalitarizm – sredstvami nonfiction* [War, Fascism, Totalitarianism – by Means of Nonfiction]. *Filologiya i kul'tura*. No. 4(30), pp. 26–29. (In Russian)

The article was submitted on 06.05.2025
Поступила в редакцию 06.05.2025

Отургашева Наталья Вадимовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Сибирский институт управления –
Филиал РАНХиГС,
630102, Россия, Новосибирск,
Нижегородская, 6.
oturgasheva-nv@ranepa.ru

Oturgasheva Natalya Vadimovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Siberian Institute of Management –
Branch of the RANEPa,
6 Nizhegorodskaya Str.,
Novosibirsk, 630102, Russian Federation.
oturgasheva-nv@ranepa.ru